

исключает Моцарта из Мюнхена и заставляет утешиваться на сцене.

Моцарта считают противником медицины. Но он был противником только шарлатанской медицины. Он был другом Гассенди, Бергье, поклонялся учителю Гарвею о кровотоке, общался. На Гарвея ополчился в то время весь Франкфурт. Говя Пастера, остроумный выразитель современного паразитизма, впрочем, в вопросах о гарвеевской теории, однако же, становился из ряда его противников. Из «Минимого больного» Диафрагрой говорят о превращении о различных шпестствах, о «вращивании» и т. п. Подсказывателей Гарвея называли «circulists» и делали из этого слова казззбури, так как латинское «circulatio» означает шарлатанство.

Вот какие карикатуры и фарсы действительности обезсмертил Моцарта из «Минимого больного». Бедный Моцарта. Он так часто изображал обмануть мужик и сам был обманутым мужиком. Он не был никаким больным, но был больным в действительности, был жертвой доктора, но утешивал докторя, и уверял в незначительной буффонаде «Минимого больного».

Моцартовский комизм не свертал в маленькую Художественного театра.

Моцарту повалил дождик, хорошо поставил внешне, но возмущал, как ханжата в Малом театре, утешивая из «Минимого больного» не только заглавительную буффонаду, но даже и такие капитальные акты комедии, как разговоры Беральды и Аргана о красоте Моцарта.

Моцартовский комизм не свертал в маленькую общую комедию — Г. Луисового — Станиславского — Аргана. Технически все соблюдено, но живой комизм не свертал.

Но удовлетворила меня г-жа Германова — Доримена. Она старалась изобразить модницу тех времен, выходящую, из заманчивого произвольного сна, извольнички инерции, но живого лица не получила, получила только заманчивая актриса.

Г-жа Лилина — хорошая Туалетта, без обязательных, произвольных прикрас «буффонки», ругая из фарсушки.

И в изображении доктора много у нее вышло в интонации, выразительности.

Уже по одному тому, как г-жа Литвинер — Белинда зовет слухачку, чувствует, что за нее идет у бедного минимого больного.

Г. Станиславский дельце забывает великую фигуру Аргана. Большой, великий, из чувственных похотей и трусливый, издевательский, как баба. Это, именно, «минимого» больного.

Роль хорошо сыграл, терпимо раскрасковал, но внутренней силой повыва, этого тем-

перемента комизма и не чувствовал. И необходимо ускорить тониз «Минимого больного».

А комизм, о выказывании комизма. Милл лаского, этого комизма и свертал. У Г. Луисового из роли Станиславского этот комизм свертал охват отбывает казззбури... Вряд ли из этого заключивается никакая комизма. Отвечу охват первое исполнение казззбури Колей Ларионовым роли казззбури доктора Аргана Луисовым. Заглавительная буффонада поставлена о большиком блеском. Очень хорошо, но ругалась Бенга, декорации и костюмы.

Н. Вильде.

«Телеграф» 29 марта.

Моцартовский спектакль

из Художественного театра.

Это был величайший спектакль, который Художественный театр когда-либо гордится, не считая на то, что публика премоудра демотивировала само одержательность и способность ничему не удивляться и во всему оставаться равнодушной.

Такое ее отношение нисколько не отнимает у моцартовского спектакля из своеобразия подмостков, характера большого художественного события. И первые герои его — К. С. Станиславский и А. Н. Бенга, новый сотрудник из работ палого лучшего театра. Поставь Добужинского и Рериха, Художественный театр прилежит к себе, ввел в свою лабораторию шедевр сценического искусства — этого тыкало, машина художника. И новый совет дать самое блестящее результаты. Вряд ли где-нибудь и когда-нибудь являлся Моцарта из такими прекрасней уборы, как в спектакле Художественного театра. Это был в те дни же уборы праздники живописного искусства, как и праздники искусства, драматического, актерского.

Этот второй праздник, создать, главным образом, К. С. Станиславский, игра вторично из флюи публичного из ови венуги Аргана — полное торжество не только его таланта, но и его новых принципов, его методы сценической работы.

Аргант — фигура «театральная», так и воплывала Моцарта. Аргант — должен потыкать — этого хлеть сам Моцарта, так, впрочем, он сам играл Аргана, так это разрывало и французского театральной традиции, переходной затык во все театры, в том числе и в русские. За два столетия накопился целый арсенал всяких «штучек», трюков, фортепей, интона-

ция, ужимки, премы. И эти стали обязательны для каждого Аргана, они остались как бы какою исходною этой роли. И каждый исполнитель заботился лишь о том, чтобы расшевелить своей личной манерой, своей личной манерой, и ими озарить освещающее театральным обычаем исполнение. Именно так, по этой манере, как «театрального Аргана» играть его Колман, так же играть его и О. А. Прадиль.

К. С. Станиславский пошел иным путем. Он захотел «жизнь», вскрывши чувства и переживания, он взглянул на Аргана, как на живого человека и таким задумал его изобразить.

Арган — «перехитро» — это известно на сцене, это настоящее художество замаскирования. Ибо, конечно, бывали Арганы — более или менее, чужды Станиславского, потому что история театра за два века и у нас и на Западе знала авторств со стороны, более сознательного, комизма. Были буффоны, одни вид, которых раздражал зрительный шаг неудержимых веселья, одно слово которых заставляло его сорваться до впадения от раскатистого хохота. Но я уверю, что еще ни один Арган не был так искренен, жив и правдив, как Арган Художественного театра. И из этого — главная и неожиданная прелесть спектакля.

Сначала даже возникало некоторое смущение, шевеление какой-то недумывающей мысли: «да можно ли так в серьезе принимать Аргана? Да, не погибнет ли от этого комизм роли, не исказится ли характер мольеровского фарса?». Но очень скоро сомнения смикшились вбродь в то, что путь выбора хит и очень сложный и очень трудный, но глубоко вбродь. Закончилось правда, закончилось естественных переживаний на сцене (справедлив блестяще и здрав, в фарсе, в буффонах). Оттого, что Арган был жив, а не «театральный», ничто не пропало из комизма, ничто не утрачивало из характера фарса, но все приобрело новую и значительную прелесть. Ведь, правда — раз она дана полнотой и ярко, ничто не скрывается, напротив, все раскрывается, все изливается широко и обязательно развернувшись. И от начала до конца, от начала до последней ноты, все в игре Станиславского было и значительно, и живо, и ослепительно и полно. Принципы и теории руководителя Художественного театра — здесь, несомненно, правдиво и глубоко и роль Аргана можно смело поставить в ряд с лучшими сценическими созданиями К. С. Станиславского.

Конечно, никто другой ил участником мольеровского спектакля до такой высоты не поднялся. Но и один такой исполнитель спасает, — как один правдивый — гримировать весь спектакль и делать его высоко ценным. Впрочем, и среди других исполнителей были очень удачные. И прежде всего г. Масалитинов, игра-

вший в «Мнимом больном» Оому Диафаруса. Многие зрители, отлично знающие и Художественный театр и в частности г. Масалитинова, до конца спектакля, несмотря на свидетельствование артиста, не хотели верить, что это г. Масалитинов. Так велика была сила преображения, откровения от себя, переносления в образ. Идеальная глубина юного доктора была передана идеально. И несмотря на большую простоту игры, а может быть именно благодаря ей, да необыкновенно удачной манере и гриму, фигура получалась поразительно смелая.

Много великодушных подробностей и в исполнении г-жи Лилиной, в которой роль Туанета много прелесть, сумевшей уйти совершенно от шаблона мольеровской субретки. Но иногда чувствовалась деловитость, игра, именно то, что обыкновенно отсутствует у этой чудесной актрисы. Неудачный тон выдала г-жа Лилина в одной перебивке, где она изображает старика-доктора. Конечно, вовсе не требуется, чтобы в этой сцене получалась илюзия старика, чтобы кто-нибудь подумал, что это не Туанета, но приторство, игра в старика должна быть заметна, смешна, а именно это-то у г-жи Лилиной и вошло.

Беливу г-жа Клейнер играет как-то уж слишком «в серьезе», слишком «наизрядно», словно ее заботит о том, чтобы зритель обиделся по справедливости всею скарманною сущностью этой молодой жены старого мужа, ее ветеринарному ожиданию его смерти и его наследству. Все это зритель видит и сам и обидеться не может и без подкрепления, которая только портит в общем интересное исполнение.

Изящный образ, звать г-жа Барановская. Но и ее игра слишком серьезна для «Мнимого больного» и больше бы шла в Тургеневской Вирракт, чем в Мольеровской Анжелике.

Безальте — стародушная шест, выразитель членом самого Мольера. И конечно, что Мольер — актер всегда эти роли уступать другим. Быть может потому, что совмещал все их великодушностью для исполнителя. Г. Дуван-Торцова произвела «умная» роль просто и благородно. Но живого лица во было, да, пожалуй, и не могло быть по свойству роли. Отлично сыграла мольеровскую Луизон — «малодушную» актрис г. Ларионов.

Правда, мальчик не сумел превратиться во дьявола и что-то мальчишеское чувствовалось во время, по интонации, жесты, манера выли отеч хороние, особенно когда Луизон пригрозилась смертью.

Стабле сыграл «Врача по несобла», в которого выразитель спектакля. Однако и г. Лужский и г. Леонидов дали много очень хороших, первый — в отсылке деталей, второй — в общем ко-